

УДК 341.222.26+913.1

Д.С. Бобров¹

Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.²

Государственная граница; Российская империя; Джунгария; Верхнее Обь-Иртышье.

В публикации рассматривается специфика лимогенеза Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в период наибольшей активизации процессов освоения. Обосновывается возникновение у имперской политической элиты доктрины «стратегической государственной границы», а также соответствующего политико-географического образа. Следствием реализации этой программы стала «искусственность» формирования государственной границы – варьирование линии государственных рубежей в зависимости от конкретных задач освоения.

Легитимация суверенности России как имперского государства невозможна без институционализации государственных границ (лимогенеза). В общем виде под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории [5, с. 88].

¹ Бобров Денис Сергеевич, Алтайский государственный университет (РФ, Барнаул), асп., BDS-eureka@yandex.ru.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

Интенсификация процессов освоения на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. привела к столкновению геополитических интересов Российской империи и Джунгарского ханства. Непосредственное соприкосновение территорий двух государств происходило в Верхнем Обь-Иртышье [9, с. 35-39]. Одним из наиболее противоречивых в политике российских властей в регионе являлся вопрос о государственных рубежах. Делимитированная в соответствии с нормами международного права государственная граница отсутствовала. Официально этот факт российские власти (устаи майора Л.Д. Угримова) признали только в 1731 г., ссылаясь на историческую принадлежность всего Верхнего Обь-Иртышья к России и уже в силу этого «не для чего было оным землям быть граничным»³.

Отсутствие завершенной процедуры делимитации, а отнюдь не низкий уровень знаний властей о границе [7, с. 31], предопределило возникновение нескольких парадигм восприятия государственной границы на юге Западной Сибири [1, с. 90]. Прежде всего, это официальное понимание, нашедшее отражение в дипломатических документах. Оно сводилось к обоснованию суверенных прав России на Верхнее Обь-Иртышье с привлечением в качестве системы аргументации элементов доктрины захватного права [2, с. 30]. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилежавшими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами [1, с. 90].

Инвариантность представленных парадигм в сочетании с незавершенной институционализацией детерминировала возникновение образа государственной границы как аморфной ментальной конструкции – продукта пространственного восприятия [6, с. 92-94]. Теоретической основой образа стала идея «стратегической границы». Анализируя ключевые черты стратегической границы, специалисты Военно-ученого комитета Главного штаба исходили из ее прохождения по значительным горным хребтам или крупнейшим рекам регионов. При этом достижение стратегических границ на определенном участке являлось первоочередной задачей любого крупного государства [3, с. 9-11; 4, с. 451-452].

В архивных документах первой половины XVIII в., посвящен-

³ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 30 об., 32 об.

ных административному регулированию в Верхнем Обь-Иртышье понятие «граница» практически не встречается. Вместо этого в управленческой практике использовались квазисинонимичные конструкции «рубежи», «грани» или «запретная сторона»⁴. В частности, даже Петр I, легитимируя дальнейшую имперскую экспансию в Верхнее Прииртышье говорил лишь о «гранях сибирских» и ни слова не упоминал о целостной «границе»⁵. Подобный подход резко контрастировал с вопросами институционализации российско-китайских рубежей. Последние еще с XVII в. воспринимались государственными властями и представителями научной интеллигенции как стратегически-условные или даже вовсе делимитированные⁶, а в документации военного ведомства многочисленное употребление получили категории «охрана границы» и «граница Российска»⁷.

Центральной идеей в создаваемом политико-географическом образе государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири стало позиционирование значительной части Верхнего Прииртышья как исторически российской территории. Аргументация базировалась на нескольких ключевых факторах. Прежде всего, Л.Д. Угримов указывал контайше на существование русских промыслов в верхнем течении Иртыша⁸. Причем, как показывает делопроизводственная документация, это утверждение далеко не было вымышленным или голословным⁹. Кроме того, привлекались неоднозначные умозаключения в русле концепции «захватного права», в соответствии с которыми Иртыш вплоть до озера Зайсан считался российской территорией как одна из «сибирских рек» [10, с. 21].

В условиях отсутствия очевидного компромисса Петр I предложил джунгарскому правителю неоднозначную идею кондоминиума [5, с. 11], то есть совместного суверенитета Российской империи и Джунгарии над Верхним Прииртышьем: «позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь, хотя оные к сибирскому

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 5; Д. 108. Л. 47; Д. 117. Л. 2.

⁵ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17.

⁶ В одном из архивных дел РГАДА встречается упоминание о том, что границей между Российской империей и Китайским царством являлся «Алтай камень». Схожий объект, отмеченный как «Камен великий Алтай», изображен и на чертежах С.У. Ремезова. См.: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 5; [11, л. 42].

⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 99. Л. 1; Д. 108. Л. 1–2.

⁸ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 32 об. – 33.

⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1747. Л. 1–3.

нашему царству принадлежат, ежели вы будете пребывать смиренно»¹⁰. Альтернативой кондоминиуму должны были стать симбиотические режимы нейтрализации и демилитаризации [5, с. 12] приграничных районов в Верхнем Обь-Иртышье. Однако ряд действий и заявлений российской административной элиты шли вразрез с общей теорией лимогенеза: при сохранении курса на установление нейтрализации параллельно протекала интенсивная милитаризация региона¹¹.

Претензий российских властей на Верхнее Обь-Иртышье джунгарская сторона не признавала и отвергала идею установления компромиссных вариантов режима границы. Дипломатическая элита государства в первой половине XVIII в. испытывала на себе осязаемое влияние принципов международного права образца раннего Нового времени и все больше осознавала важность государственной территории [2, с. 26-27] как неперемennого условия функционирования государственности [5, с. 11]. Однако аргументация пространственных притязаний джунгарских правителей в Верхнем Обь-Иртышье все еще не выходила за рамки дипломатической практики традиционных обществ. Контайша и его дипломатические агенты указывали на проведение примитивной процедуры делимитации границ с Россией еще в XVII в., в знак фиксации результатов которой в районе реки Оми на массивном дереве была высечена фигура воина в полной амуниции [8, с. 101]. Несмотря на то, что засека или иной искусственный рубеж не являлись прямыми указаниями на существование государственной границы, возникновение подобных «отметок» являлось важным признаком осуществления делимитации.

Признание границы по соответствующей линии сулило множество сложностей российским властям различных уровней. Следствием этого стало зарождение в среде региональной элиты идеи о том, что государственные рубежи с Джунгарией в Верхнем Обь-Иртышье должны быть проведены исключительно по линии, удовлетворявшей военно-стратегическим и социально-экономическим целям текущего освоительского процесса. На это прямо указывал сибирский губернатор А.М. Черкасский, который не только подчеркнул отсутствие каких бы то ни было территориальных разграничений между Россией и Джунгарией в районах Оми и в Кузнецком уезде, но и напрямую заявил: «и чрез оные волости по Оми реке сухопутной тракт в Томск в Кузнецк и Енисейскую Иркутскую провинции один и ежели по Омь реку быть за ним [джунгарским правителем – Д.Б.], то есть сибирские

¹⁰ Там же. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17–17 об.; Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 12.

¹¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 99. Л. 3–5; Д. 108. Л. 5–6.

города от Тобольска тракт сухопутной пресечется кроме водяного»¹². Далее в своих рассуждениях А.М. Черкасский и вовсе пришел к парадоксальному выводу о том, что в районах расположения Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостей «владения российского в тех местах и не было никакого». Резюмируя свои наблюдения, сибирский губернатор обозначил не только приоритетные контуры линии предполагаемой границы, но и привел систему рациональной аргументации: «надобно границе быть вверх по Иртышу реке по Зайсан озеро а от реки в степь в сторону где калмыки кочуют чтоб дни два или на три для доволства жителей де иртышских крепостей земли было, а степь курче по камень первой которой на тракте от Семипалатной крепости»¹³.

1. *Бобров Д.С.* Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. конф. / Под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул, 2013.
2. *Боронин О.В.* Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востокведные исследования на Алтае: сб. науч. ст. Вып. 4. Барнаул, 2004.
3. *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873.
4. Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого и др. Т. 8. СПб., 1912.
5. *Дмитриева С.И.* Лимнология: учеб. пособие. Воронеж, 2008.
6. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
7. *Контев А.В.* Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1.
8. *Контев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011.
9. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998.
10. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006.
11. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

¹² РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 47 об.

¹³ Там же. Л. 47 об. – 48 об.